

ЖОРЖ ПУЛЕ

Бергсон

Тема панорамного видения прошлого и рядоположение¹

Lo! the soul's sphere of infinite images!
What sense shall count them? Whether it
[forecast]

The rose-winged hours that flutter in the van
Of Love's unquestioning unrevealed span, —
Visions of golden futures: or that last
Wild pageant of the accumulated past
That clangs and flashes for a drowning man.

*D. G. Rossetti: The House of Life.
Sonnet LXII².*

I

Тема панорамного видения, свойственного умирающим, сильно занимала Бергсона. Он неоднократно возвращался к ней; обсуждал с друзьями³. И это неслучайно. Феномен гипермнезического восприятия, т. е. представления всей своей жизни целиком некоторыми людьми, подвер-

¹ Перевод выполнен по: *Poulet G. Bergson. Le thème de la vision panoramique des mourants et la juxtaposition // L'espace proustien. Paris: Gallimard, 1982.*

² Душа в такие ночи тяжела
И чёрной сферой образов круглится!
Какое чувство смерит их? Оно нам
Любви ли дар бесспорный предречёт,
Часов розовокрылых пышный взлёт,
Предвестье счастья — или же скоплённым
Сразит нас прошлым, что с безумным стоном,
Блистая, перед тонущим встаёт.
Д. Г. Россетти. Дом жизни. Сонет LXII (Пер. с английского Вланес).

³ *Harpe J. de la. Souvenirs personnels d'un entretien avec Bergson // Henri Bergson. Essais et témoignages inédits. Neuchâtel: Éditions de la Baconnière, 1941. P. 361.*

гающимися смертельной опасности, служил ценным доказательством одному из наиболее глубоких убеждений Бергсона — тому, что ни одно воспоминание никогда окончательно не забывается и что в каждом из нас, затрагивая наше сознание, присутствует некая тотальная память, которая при определенных обстоятельствах может вернуть нам все забытое прошлое в его целостности.

В книгах Бергсона этот феномен рассматривается в трех местах. Первый фрагмент находится в «Материи и памяти» и датирован, соответственно, 1896 годом. Второй — 1911 года — можно обнаружить в лекции «Восприятие изменчивости», прочитанной в Оксфорде⁴. Третий содержится в работе «Духи умерших и психические исследования» 1913 г.⁵, однако он представляет меньший интерес, поскольку не сообщает ничего нового по сравнению с двумя предыдущими.

Вот фрагмент из «Материи и памяти»⁶:

Но если наше прошлое обычно целиком от нас скрыто, будучи вытеснено потребностями актуального действия, то оно находит в себе силы для перехода через порог сознания во всех тех случаях, когда мы перестаем интересоваться эффективным действием, чтобы так или иначе перенестись в жизнь грез... «Экзальтация» памяти при определенных сновидениях и в определенных сомнамбулических состояниях — это общеизвестный факт наблюдения. С поражающей точностью возникают тогда воспоминания, казавшиеся совершенно исчезнувшими: мы переживаем во всех подробностях давно позабытые сцены детства и говорим на языках, которые даже не помним, когда учили. Но наиболее показательным в этом отношении то, что наблюдается в случае внезапного удушья: у тонувших и пытавшихся повеситься. Вернувшись к жизни, пострадавший рассказывает, что за короткое время перед ним прошли все забытые события его истории, с самыми незначительными обстоятельствами и в том порядке, в котором они совершались.

Человек, который существовал бы не живя, а грезя и воображая, без сомнения, тоже постоянно имел бы перед глазами бесконечное множество деталей своей прошлой истории.

Чтобы понять значение этого фрагмента, было бы небесполезно обратиться к источникам. Сам Бергсон в постраничных сносках аккуратно указывает названия всех тех исследований, на которые он опирался. Речь идет о четырех работах: «О малоизвестных болезнях мозга»

⁴ Bergson H. La perception du changement. Oxford: Clarendon Press, 1911. P. 30–31 // La Pensée et le mouvant. Essais et conférences. Paris: PUF, 1960. P. 170. Рус. пер.: Восприятие изменчивости // Бергсон А. Творческая революция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999.

⁵ Bergson H. Fantômes de vivants (лекция, читанная перед Обществом психических исследований 28 мая 1913) // Bergson H. L'Énergie spirituelle. Paris: PUF, 1967. P. 76–77.

⁶ Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 257–258.

Форбса Уинслоу (1860), «Болезни памяти» Рибо (1881), «Сон и сновидения» Альфреда Мори (1861, но Бергсон цитирует ее по изданию 1878 г.); и, наконец, особенно интересная ссылка, поскольку она касается совсем нового на тот момент исследования, опубликованного в «Revue philosophique» в 1896 г., т. е. в год появления «Материи и памяти», — статья Виктора Эггера под названием «Я умирающих»⁷.

Из этих четырех психологов первые трое пытаются дать исключительно физиологическое объяснение феномена. Для Уинслоу причиной является порча крови, вызванная удущем. Похожим образом, Рибо связывает гипермнезическую экзальтацию памяти с убыстрением мозгового кровообращения, как бывает при высокой температуре, в состояниях гипнотизма или маниакального возбуждения. И, наконец, Мори соотносит появление и умножение воспоминаний с учащением мозговых вибраций, подобных вибрациям звуковых волн в резонирующих телах. Во всех этих случаях проблема ставится в строго количественных терминах. Гипермнезия умирающих характеризуется, прежде всего, быстротой, с какой в кратчайший промежуток времени образы сменяют друг друга в сознании. С этой точки зрения, три первых психолога, цитируемых Бергсоном, всего лишь используют приемы количественного метода, восходящего к Локку и Кондильяку.

Тем не менее, ряд примеров, на которые они опираются, обнаруживают, по-видимому, не последовательность, но, наоборот, одновременность состояний сознания.

Так, Уинслоу и Рибо (как, впрочем, и Эггер и почти вся психологическая литература этого времени)⁸ приводят случай родственницы английского писателя Томаса де Квинси, которая в детстве, упав в реку и начав тонуть, увидела вдруг, по словам де Квинси, «в единый миг, всю жизнь свою вплоть до самых мельчайших подробностей, словно бы данную одновременно в зеркале»⁹. В 1845 г., двадцать четыре года спустя, в одном из пассажей *Suspiria de profundis*¹⁰, вдохновившем Бодлера¹¹, де

⁷ Egger V. Le Moi des mourants // Revue philosophique, 1896. Т. 42.

⁸ Winslow F. On Obscure Diseases of the Brain. P. 441; Ribot T. Les maladies de la mémoire. P. 140; Egger V. La durée apparente des rêves // Revue philosophique, 1895. Т. 40. P. 55. См. также: Macnish R. The Philosophy of Sleep. 3d ed. Glasgow, 1836. P. 90; Dendy W. C. The Philosophy of Mystery. London, 1841. P. 77; Fosgate B. Sleep, psychologically considered. New-York, 1850. P. 41–46; Grindon L. Life, its nature, varieties and phenomena. 2d ed. London, 1857. P. 286–287; Prel C. du. Philosophie du mysticisme. Т. 2. P. 43, и т. д.

⁹ Quincey T. de. Confessions of an Opium-Eater. Everyman Lib. P. 234: «She saw in a moment her whole life in its minutest incidents, arrayed before her simultaneously as in a mirror». (Ср.: рус. пер. Квинси Т. де. Исповедь англичанина, употребляющего опиум. М.: Ad Marginem, 1994. С. 94. — Прим. пер.)

¹⁰ Quincey T. de. Suspiria de profundis, The Palimpsest of the Brain. Blackwood Magazine, juin 1845; Select Essays. Edinburgh, 1888. Т. 2. P. 285. (Ср. рус. пер.: Палимпсест человеческого мозга // Квинси Т. де. Исповедь англичанина, любителя опиума. М.: «Ладомир», «Наука», 2000. — Прим. пер.)

¹¹ Baudelaire Ch. Paradis artificiels // Œuvres. Paris: Pléiade. Т. 2. P. 389.

Квинси возвращается к этому эпизоду и описывает его в еще более точных терминах: «В один момент, в мгновение ока, разом воскресло все ее прошлое: каждая мысль, каждый поступок ее прежней жизни ожили вновь, но выстроившись не последовательно, а в виде сосуществующих частей»¹².

Одновременность, сосуществование частей времени, новое разворачивание этих частей в своего рода ментальном пространстве — трудно представить себе термины более далекие от тех, в которых будет описана чистая длительность.

Но и в других примерах, приводимых вышеназванными психологами, несложно выявить черты, несовместимые с бергсонизмом.

Так, в «Болезнях памяти», процитировав фрагмент из де Квинси, Рибо сразу же приводит случай, произошедший с другим человеком, адмиралом Бофором. В письме, часто цитируемом и комментируемом¹³, адмирал рассказывает, как однажды в детстве, чуть не утонув в порту Портсмута, он увидел перед собой «всю свою прошедшую жизнь, раскручивающуюся в обратной последовательности, но не как простой набросок, а в мельчайших подробностях, образующих нечто вроде панорамы всего его существования...»¹⁴. Мне кажется, это первый случай использования слова «панорама» по отношению к «видению умирающих». Однако выражение «обратная последовательность» вызывает недоумение. Автор пытается объяснить, всеми доступными ему средствами, опыт, разворачивающийся, как ему кажется, в направлении, противоположном обычному ходу времени, т. е. во времени обратимом. Но, подчеркнем еще раз, нет ничего более далекого от переживаемой длительности.

Тем не менее, именно кажущаяся обратимость и одновременность в видении умирающих — задолго до того, как профессиональные психологи заинтересовались этим феноменом, — часто привлекала к себе внимание мыслителей романтической эпохи. «В момент смерти вся жизнь сокращается в одно неделимое мгновение, — пишет Балланш в „Социальном палингенезе“, — и в этот миг все, что было последовательным, становится мгновенным»¹⁵. Чтобы выразить все богатство этого мгновенного сжатия существования, Балланш специально пишет в 1831 году поэму в прозе об опыте умирающего — «Видение Эбаля». Литература немец-

¹² «In a moment, in the twinkling of an eye, every act, every design of her past life lived again, arraying themselves not as a succession, but as parts of a coexistence».

¹³ Письмо адмирала Бофора доктору В. Хайду Волластону, воспроизведенное в «Гипнотических состояниях и телепатии» Джозефа Хаддока (*Haddock J. W. Somnolism and Psychism. London, 1851. P. 211–213*). Рибо цитирует небольшой фрагмент этого письма, но не приводит имя автора.

¹⁴ Текст в переводе Рибо. Вот оригинал: «Thus travelling backwards, every incident of my past life seemed to me to glance across my recollection in retrograde succession; not, however, in mere outline as here stated, but the picture filled up, with every minute and collateral feature».

¹⁵ *Ballanche P.S. Œuvres. Paris, 1833. T. 4. P. 134.*

кого романтизма также, начиная с Юнга-Штиллинга и кончая Фехнером¹⁶, изобилует примерами панорамной памяти. Так, в «Истории души» Шуберт описывает следующее переживание, испытанное больным незадолго до смерти: «Вся его прошедшая жизнь, со всей цепью впечатлений и действий, с тысячью различных поступков, была охвачена одним взглядом с молниеносной быстротой, как необыкновенное рядоположение»¹⁷.

Запомним это слово «рядоположение» (*Nebeneinandersetzung*), которое сыграет столь важную роль в мысли Бергсона. Перейдем теперь к четвертому из цитируемых Бергсоном психологов — Виктору Эггеру.

Его работа вызывает особый интерес, поскольку отличается как от исследований психологов-ассоциационистов, так и от произведений романтических авторов. Его статья «Я умирающих», как я уже упоминал, появилась почти в то же время, что и «Материя и память». Но еще годом ранее в предыдущей своей статье, опубликованной в «*Revue philosophique*»¹⁸ в 1895 г., Эггер говорит о панорамном видении. Он отмечает противоречие, существующее между тезисом о последовательности (сукцессивизмом), на который психологи опираются, и идеей одновременности (симультанеизмом), которая обнаруживается в их примерах. По поводу примера де Квинси он заявляет: «Я прошу вас обратить внимание на это странное слово: „одновременно“. Если речь идет о том, чтобы доказать ускорение состояний сознания, то причем здесь панорамное и мгновенное видение индивидуального прошлого?» И Эггер добавляет, используя термины если и не бергсоновские, то достаточно близкие бергсонизму, чтобы поразить автора «Материи и памяти»: «И, потом, разве мы можем понять прошлое, т. е. последовательность, заново прожитое в форме одновременности?»

Тем не менее, среди различных случаев гипермнезии, упоминаемых Эггером, один сильно походит на те примеры, которые он сам критикует, усматривая в них симультанеизм. Речь идет о самонаблюдении, описанном одним молодым философом, участником франко-прусской войны, г. Дерепы.

Г. Дерепы рассказывает, как в декабре 1870 года, получив ранение и лежа в нескольких шагах от прусской пехоты, слушая свист пуль над головой, он не сомневался в том, что вот-вот погибнет: «В этот момент, — пишет он, — вся последовательность моей жизни в ее мельчайших подробностях предстала передо мной с поразительной ясностью». И здесь он добавляет следующие слова, в которых можно найти, как и у Виктора

¹⁶ Jung-Stilling J. H. Theorie der Geister-Kunde. Nürnberg, 1808. N° 89; Fechner G. T. Das Büchlein vom Leben nach dem Tode. Dresden, 1836.

¹⁷ Schubert G. H. von. Die Geschichte der Seele (1830). 2 ed. Stuttgart, 1850. T. 2. P. 47: «Daher wurde in einem vom Moritz erzählten Falle, in einem Hellgesicht, welches kurze Zeit vor dem Tode eingetreten, das ganze vergangene Leben, mit allen seinen reichen Erfahrungen und Führungen, mit seinem tausendfaltigen Handlungen, in geisterhafter Nebeneinanderstellung und Blitzeschnelle überblickt...».

¹⁸ Egger V. La durée apparente des rêves. Op. cit. P. 55.

Эггера, нечто близкое бергсонизму, — хотя в действительности Дерепы от него далек: «Прошлое, которое обычно от нас ускользает, растворяясь в туманной дали, вдруг словно воскресло. Никогда раньше я не ощущал так сильно, как в этот день, позитивную реальность длительности. Говорят, что тот, кто находится на краю гибели, в самый последний момент имеет перед глазами насыщенное и одновременное видение всех событий, которые следовали в его жизни друг за другом. Я понимаю, о чем идет речь, поскольку сам испытал нечто подобное. Для этого случая можно видоизменить формулу Платона и сказать: время есть неподвижный образ неподвижной вечности. Тем самым от образа я могу возвыситься до реальности и постичь вечность Бога. Предположите, что это случайное для человека состояние — непрерывно; упраздните последовательность и бег времени; то, что ускользало и представлялось неуловимым для мысли, становится неподвижным: головокружение прекращается, и дух утверждает спокойно, без колебаний и, что самое главное, не впадая в противоречия, постоянное настоящее длительности»¹⁹.

В только что процитированных строках можно обнаружить выражения, которым было бы легко придать бергсоновский смысл: «Никогда раньше я не ощущал так сильно, как в этот день, позитивную реальность длительности». Но дальнейший контекст сразу же позволяет понять, что эта позитивная и реальная длительность является для г. Дерепы длительностью неподвижной и однородной — не переживаемой длительностью, но платоновской вечностью. Когда Дерепы обращается к гипермнезии умирающих для того, чтобы сформулировать идею непрерывного и лишённого последовательности времени, нет ничего более чуждого его мысли, чем представление о многообразной непрерывности мелодии. Мы знаем, что он имеет в виду: «*Totum simul*» Плотина или Святого Фомы — «сосуществование всех последовательных вещей»²⁰, если использовать выражение, с помощью которого Эггер, стремясь, впрочем, отбросить эту доктрину, дает ей определение, удивительно напоминающее определение де Квинси.

Таким образом, мы не находим почти ничего, что предвосхищало бы тезисы Бергсона — ни в гипотезах психологов, согласно которым видение умирающих указывает всего лишь на умножение или убыстрение состояний сознания, ни в предположениях или утверждениях романтиков, по мнению которых гипермнезия умирающих, не будучи умножением последовательного, является, как сказал бы Дерепы, упразднением этой последовательности, осуществленным в своего рода вечном моменте, похожем у человека на божественный *Totum simul*.

Остается, впрочем, третья гипотеза, впервые высказанная Виктором Эггером. Она достаточно близка на этот раз философии Бергсона

¹⁹ *Derepas M.* Les théories de l'inconnaissable et les degrés de la connaissance. Paris, 1883. P. 203. Цит. по *Egger V.* Le Moi des mourants. Op. cit. P. 363.

²⁰ *Ibid.* P. 364.

и заслуживает особого внимания с нашей стороны: «Я полагаю, — говорит Эггер в статье 1895 г., — что идея неминуемой смерти может привести к очень интенсивному переживанию „Я“, прекращающего свое существование...»; а в статье 1896 г. он пишет: «Я — это тотальное воспоминание; это сознание прошлого как таковое; это череда прошедших состояний сознания, удерживаемых взглядом настоящего сознания, т. е. [последовательность] сокращенная, сгущенная посредством операций, природа которых остается довольно загадочной»²¹.

Утверждение Лейбница о тотальной памяти, тождественной сознанию, должно было сильно импонировать Бергсону. Тем не менее, тотальное самосознание, вызванное, по мнению Эггера, приближающейся смертью, есть нечто совсем другое, чем то, что мы находим у Бергсона. У Эггера, действительно, речь идет о ярком переживании, которое испытывает человек, ощущающий, что он, само его существо, находится в опасности. Но можем ли мы усмотреть в такой интенсивности переживания нечто иное, чем концентрацию всех жизненных сил перед лицом опасности, напряжение в момент угрозы?

Эта ситуация так же часто описывается писателями, как и профессиональными психологами.

Так, в «Сценах из жизни духовенства» Жорж Элиот рассказ под названием «Раскаяние Жанетты» посвящен как раз этой теме. Мы видим женщину, внезапно изгнанную из семейного гнезда. Эта неожиданная катастрофа сравнивается Жорж Элиот с той ситуацией, в которой находятся утопающие:

Утопающий, испытывающий последнюю агонию, мгновенно переносится в свое прошлое и начинает проживать его все целиком, как его счастливые, так и безрадостные моменты: как только темные потоки, будто падающий занавес, накрывают память, перед ней в одну секунду вся драма жизни разыгрывается по второму разу. И даже во время более ранних кризисов существования, которые предстают перед нами как прототип смерти — когда что-то вдруг резко отрывает нас от привычной нам жизни, когда мы не можем больше надеяться на то, что завтра будет похоже на сегодня, и вследствие внезапного удара оказываемся на краю неизвестности, — бывает, что сумрачные и пустынные пространства нашей памяти пронзает вдруг молния подобного рода.

Когда Жанетта села, дрожа, на каменную плиту у порога, за дверью, захлопнувшейся за ее прошлой жизнью, с черным и бесформенным как ночь будущим, простирающимся перед ней, образы детства, юности и горестной женской жизни захватили ее мысли и слились в одно целое с ее нынешним отчаянием²².

²¹ Egger V. La durée apparente des rêves. P. 55; Le Moi des mourants. P. 339.

²² Eliot G. Janet's Repentance. Chap. 15 // Scenes of clerical Life: «The drowning man, urged by the supreme agony, lives in an instant through all his happy and unhappy past: when the dark flood has fallen like a curtain, memory, in a single moment, sees the drama acted

Очень похожую сцену можно найти в «Алой букве» Натаниэля Готорна. Когда героиня, Гестер Принн, поднимается на эшафот, с которого взору толпы будет открыт весь ее позор, она, конечно, не собирается на нем умереть. Но она должна подвергнуться наказанию, и настолько серьезному, что, пройдя через него, — она прекрасно это понимает — она окажется непоправимо отрезанной от всего ее предшествующего существования. Именно в этот момент она и приходит к наиболее яркому осознанию того, что ее ждет:

Далекие, совсем незначительные воспоминания, какие-то ничтожные черточки детства и школьных дней, игры, детские ссоры и мелочи домашней жизни в годы девичества роились вокруг нее, переплетаясь с важнейшими воспоминаниями последующих лет... Помост послужил для Гестер Принн наблюдательным пунктом, откуда она увидела всю дорогу, по которой она следовала начиная со счастливых дней детства²³.

Если помост — со всей цепочкой чувств, его сопровождающих, стыдом, ужасом, отчаянием — образует точку зрения, через которую существование раскрывается самому себе, то потому, что это существование поставлено под вопрос, и такая постановка под вопрос вызывает напряжение во всем существе. Для Готорна, как для Жорж Элиот и Эггера, тот, кто чувствует грозящую ему серьезную опасность, собирает разом свои жизненные силы и посредством такой концентрации соотносит себя со всем своим существованием. Однако надо ли говорить, что такая доктрина радикальным образом оспаривается самим Бергсоном, для которого изначальным фактором феномена гипермнезии является нечто противоположное сжатию и концентрации, а именно — расслабление?

Тем не менее до Бергсона нигде в литературе не встречаются упоминания о чувстве расслабления. Ни психологи, ни писатели не увидели, как кажется, важности этого феномена. Вот те немногие примеры, которые мне удалось обнаружить.

over again. And even in those earlier crises, which are but types of death — when we are cut off abruptly from the life we have known, when we can no longer expect to-morrow to resemble yesterday, and find ourselves by some sudden shock on the confines of the unknown — there is often the same sort of lightning-flash through the dark and unfrequented chambers of memory».

«When Janet sat down shivering in the door-stone, with the door shut upon her past life, and the future black and unshapen before her as the night, the scenes of her childhood, her youth and her painful womanhood, rushed back upon her consciousness, and made one picture with her present desolation».

²³ Готорн Н. Алая буква. М.: Художественная литература, 1957 (Пер. Э. Линецкой). *Hawthorne N. The Scarlet Letter // Works. ed. Riverside Press. T. 5. P. 79: «Reminiscences, the most trifling and immaterial passages of infancy and school-days, sports, childish quarrels, and the little domestic traits of her maiden years, came swarming back upon her, intermingled with recollections of whatever was gravest in her subsequent life... The scaffold of the pillori was a point of view that revealed to Hester Prynne the entire track along which she had been treading, since her happy infancy».*

Первый встречается в «Литературных воспоминаниях» де Квинси. В эпоху наполеоновских войн де Квинси и поэт Вордсворт проживали в отдаленном регионе графства Камберленд. Однажды оба друга, больше обычного в нетерпении узнать последние новости, устремляются по дороге навстречу извозчику, который должен привезти свежие газеты. Повозка заставляет себя ждать. Вордсворт прикладывает ухо к земле. Но только он поднимается, как де Квинси, наблюдающий за другом, внезапно замечает, что лицо его резко изменилось. Он просит у него объяснений. И вот ответ Вордсворта:

С самого раннего детства я заметил, что если, каковы бы ни были обстоятельства, сосредоточить внимание на акте наблюдения или длительного ожидания, то когда это напряженное состояние бдительности вдруг спадает, в тот же миг вид любого предмета или совокупности предметов, попадающих в поле нашего зрения и способных поразить нас своей красотой или вызвать у нас какую-то другую эмоцию, потрясает нашу душу с необычайной силой. Только что я приложил ухо к земле, надеясь услышать стук колес... В момент, когда я поднимал голову, отказываясь тем самым от надежды на сегодняшний вечер, в это самое мгновение, когда органы внимания освобождались все разом от напряжения, в котором они до того пребывали, сверкающая звезда, горящая в небе над черным контуром горной цепи, поразила мой взор и проникла все мои способности, открывая мне всю силу и смысл Бесконечного; но она бы не привлекла моего внимания при других обстоятельствах²⁴.

Удивительное признание поэта, в котором он предвосхищает, вплоть до самих выражений, мысль философа. Однако это признание не касается проблемы воспоминания, а имеет отношение только к восприятию.

Вот второй пример. Вспомним об адмирале Бофоре и письме, в котором он описывает переживания «утопающего». Адмирал подчеркивает при этом, что его панорамному видению предшествовал момент расслабления или утраты воли:

С того момента, как все мои усилия прекратились — по причине, я полагаю, полного удушения, претерпеваемого мной, — чувство спокойствия,

²⁴ *Wordsworth W. Literary Reminiscences. Boston, 1851. T. I. P. 308–309: «I have remarked, from my earliest days, that, if under any circumstances, the attention is energetically braced up to an act of steady observation, or of steady expectation, then, if this intense condition of vigilance should suddenly relax, at that moment any beautiful, any impressive visual object, or collection of objects, falling upon the eye, is carried to the heart with a power not known under other circumstances. Just now my ear was placed upon the stretch, in order to catch any sound of wheels ... At the very instant when I raised my head from the ground, in final abandonment of hope for this night, at the very instant when the organs of attention were all at once relaxing: from their tension, the bright star hanging in the air above those outlines of massy blackness, fell suddenly upon my eye, and penetrated my capacity of apprehension with a pathos and a sense of the Infinite, that would not have arrested me under other circumstances».*

совершенной безмятежности пришло на смену смятению предшествующих ощущений. Можно было бы назвать это состояние апатией, но никак не смирением, поскольку сам факт утопания не представлялся мне больше как зло²⁵.

Вне всякого сомнения, Бергсон был бы рад познакомиться с этим фрагментом — настолько он совпадает с его собственными взглядами. Впрочем, скорее всего, он его не читал, поскольку Рибо, его главный информатор по данному вопросу, не посчитал нужным процитировать целиком письмо адмирала. Как бы там ни было, Бергсон, судя по всему, не нашел ни в одной из прочитанных им книг ту основополагающую идею, на которую опирается его интерпретация данного феномена. Благодаря абсолютно оригинальному акту мысли, ему удалось связать появление тотального воспоминания не с напряжением и концентрацией всех жизненных сил, не с повышенной активностью души — как то делали большинство его предшественников, — но, наоборот, с потерей свойственного ей обычно тонуса.

II

Теперь, когда мы в состоянии лучше оценить оригинальность книги, вернемся к тексту «Материи и памяти». Идея, которую Бергсон кладет в основу своего объяснения феномена гипермнезии, состоит в том, что данный феномен определяется не сложением или увеличением, т. е. появлением какого-то нового и положительного элемента, но, напротив, уменьшением и даже исчезновением или отсутствием того, что обычно присутствует и действует в душе. И в то же время именно эта нехватка или отсутствие, это полностью негативное событие, и вызывает внезапное появление в сознании такого по преимуществу положительного феномена, как тотальное воспоминание, т. е. схватывание моего «Я» мною самим.

Чтобы понять этот по-настоящему бергсоновский парадокс, нужно вспомнить, в чем заключается, согласно Бергсону, обычная установка нашего духа. Эта установка, повторяет Бергсон, есть внимание к жизни. Практическое сознание, неизменно направленное на будущее, употребляет все свои усилия на то, чтобы постоянно переводить настоящее в будущее. Из прошлого оно принимает и удерживает только то, что помогает ему пролить свет на то, что есть, и подготовить то, что будет. Сознание подобно подвижному острию, которое совпадает с настоящим и устремляется вместе с ним в будущее. Быть вниматель-

²⁵ «From the moment that all exertion ceased — which I imagine was the immediate consequence of complete suffocation — a calm feeling of the most perfect tranquility superseded the previous tumultuous sensations — it might be called apathy, certainly not resignation, for drowning no longer appeared to be an evil».

ным к жизни значит быть точкой (point) и острием (pointe), максимумом сосредоточения и минимумом пространства, предельным сжатием бытия в «очень маленьком круге, очерчиваемым... вокруг настоящего действия»²⁶.

Быть внимательным к жизни, таким образом, значит быть внимательным к настоящему, к будущему, к действию, ко всему тому, что вырисовывается перед нами в направленном на будущее, чрезвычайно суженном фокусе нашего взгляда. Но тем самым это значит также, хотя Бергсон и не использует такое выражение, быть *невнимательным* по отношению к своей собственной жизни, если под «собственной жизнью» понимать огромное, обращенное в прошлое поле [сознания], в котором сохраняются воспоминания и которое Бодлер называл глубиной существования.

Отсюда бергсоновский образ пирамиды или перевернутого конуса, столь часто всеми упоминаемый. Ясно различимая вершина конуса представляет из себя место действия, врезающегося в будущее, а бесконечно расширяющееся основание конуса есть местоположение прошлого и воспоминаний, пропадающее, как нам кажется, позади в полной неразличимости.

Действие не отменяет прошлое, поскольку оно его использует. Но это использование выборочно. Кажущаяся полнота прошлого есть бесполезная и непонятная роскошь. Все, что есть в нас избыточного, глубинного, оттесняется на периферию нашей души и прочно скрыто от наблюдения.

Все выглядит так, как будто бы по преимуществу положительный акт нашей жизни — действие, посредством которого мы изобретаем будущее, — в то же время характеризуется значительной долей негативности. Действие заставляет нас практически полностью отказаться от всей нашей предшествующей жизни и жить тем самым в почти абсолютном неведении собственной позитивной реальности.

Таким образом объясняется парадокс видения умирающих. Поскольку именно положительный акт внимания к жизни лишает сознание широты и жизненного богатства, необходимо, чтобы путем обращения этого акта, перевода позитивности в негативность, дух снова мог получить доступ к этому богатству и широте. Видение умирающих — прекрасный пример такого изменения полюса. В нем нет ничего положительного, оно есть отсутствие действия, интереса, невнимания, чистая негативность. Для того чтобы по-настоящему вспомнить — возродить все самые глубокие воспоминания, — «не требуется создавать ничего положительного, надо лишь кое-что разрушить»²⁷. — «Продвигать-

²⁶ Bergson H. *Le Rêve // L'Énergie spirituelle*. Paris: PUF, 1996. P. 103. Ср.: Бергсон А. Сновидение // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 999.

²⁷ Bergson H. *Lettre à William James, 25 mars 1903 // Bergson H. Mélanges*. Paris: PUF, 1972.

ся, — добавляет Бергсон, — в совершенно отрицательном направлении расслабления»²⁸.

В этом продвижении, которое на самом деле есть отступление назад, поскольку является обратным движением мысли, существуют, как и в поступательном движении, области более приближенные и более удаленные. Например, рассеянность, мечтательность, сон являются последовательными этапами на пути долгого соскальзывания, при котором дух расслабляется, не чувствуя больше сопротивления и не встречая препятствий. Как если бы все прошлое, само собой, все *ego* прошлое, вся его уже прошедшая жизнь, шла навстречу тому, кто, раз отказавшись действовать, не препятствует более вторжению собственного прошлого, позволяя ему захватить настоящее. Уверившись в неминуемой смерти, когда человек убеждает себя, что уже бесполезно уделять внимание актуальной жизни, он впадает в состояние, похожее на самую глубокую мечтательность: «Человеческое существо, которое бы воображало себе свое существование, вместо того, чтобы его проживать...» Такое человеческое существо, этот абсолютный мечтатель, и есть умирающий. Потеряв интерес ко всякому действию, освободившись от затормаживающего воздействия со стороны потребностей актуальной жизни, он без усилия обретает вновь свое прошлое и свое «я».

Овладевание собственным прошлым является, таким образом, событием настолько неожиданным, насколько же и естественным. Естественным, поскольку мы никогда полностью не утрачиваем наши воспоминания, поскольку, вопреки мнению Пруста, они нас окружают и постоянно стремятся захватить наше сознание. Для того чтобы вернуть воспоминания, нам не надо ничего предпринимать, достаточно пустить все на самотек (*pous laisser faire*). Вспоминать или помнить обо всем — самая естественная на свете вещь. И тем не менее, это также и наиболее неожиданная вещь, поскольку, утрачивая всё и забывая самих себя, мы тем самым обретаем всё и обретаем самих себя. Визионер, который приходит к осознанию собственной смерти, неожиданно овладевает своей жизнью. Как во фразе Писания, которая так мучила Жида: тот, кто теряет свою жизнь — есть тот, кто вновь получает ее. Обретенное время, обретенное «я» суть для Бергсона прямое следствие отстранения, смирения. Тем самым его мысль соприкасается с доктринами самоотречения. Философия действия рискует обратиться здесь в свою противоположность — в философию пассивности, в нечто вроде квиетизма.

Если первой задачей мудреца, действительно, является самопознание, то сперва необходимо «повернуться спиной к действию», поскольку действие, совсем не будучи сродни грезе, — есть жест, посредством которого истина скрывается и вследствие которого истинное лицо «я» становится недоступным взгляду.

²⁸ Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс. Кучково поле, 1998. С. 213.

Безусловно, бергсонизм не является учением такого рода. Он остается, несмотря ни на что, философией действия, а не бездействия и безвольности. Но такова тенденция, или, можно сказать, соблазн, таящийся в бергсоновской философии, и философ пытается постоянно уравновешивать его при помощи противоположной тенденции.

Если эту тенденцию изолировать, произвольно отделить от того, что ее компенсирует и корректирует, то можно, наверное, резюмировать ее следующим образом: истина заключается в расслаблении духа, она состоит в мечтании (*sne — gêve*). «Сон, — говорит Бергсон, — есть умственная жизнь целиком за вычетом усилия концентрации»²⁹. Мечтатели, художники, созерцательные личности являются, подобно умирающим, незаинтересованными «визионерами». Вместо того, чтобы применять к миру и самим себе ограниченную точку зрения человека действия, они «воспринимают вещи (и их душу) в их первоначальной чистоте»³⁰; они входят «в непосредственное сношение с вещами и самими собою»³¹. Если бы мы были как они, говорит, по сути, Бергсон, если бы мы могли стать существами абсолютно незаинтересованными, «мы слышали бы в глубине наших душ словно музыку, иногда веселую, чаще жалобную, но всегда оригинальную, несмолкающую мелодию нашей внутренней жизни»³².

Чудесные слова! По-настоящему бергсонские по духу, они выражают самую сокровенную сторону бергсонизма — тему чистой длительности. А эта тема как раз наиболее тесно связана у Бергсона с темой незаинтересованности и грезы. Одна ведет к другой. Одна, для того чтобы существовать или быть замеченной, нуждается в другой.

Перечитаем знаменитые строки из «Опыта о непосредственных данных сознания»:

Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше я просто живет (*se laisse vivre*, позволяет себе жить. — *Прим. пер.*)... достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помещало их рядом с наличным состоянием, наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе. Разве нельзя сказать, что, хотя эти ноты следуют друг за другом, мы все же воспринимаем их одни в других, и вместе они напоминают живое существо, различные части которого взаимопроникают в силу самой их общности?³³

²⁹ Bergson H. *Le Rêve // L'Énergie spirituelle*. Paris: PUF, 1996. P.104. Ср.: Бергсон А. Сновидение. С. 1000.

³⁰ Bergson H. *Le Rire*. Paris: PUF, 1940. P.116. Ср.: Бергсон А. Смех. М., 1992. С. 97.

³¹ Там же. С. 94.

³² Там же. С. 95.

³³ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 93.

Продолжая это красивое вопросительное движение фразы Бергсона, нельзя ли сказать также, что существо, которое в самом строгом смысле этого слова «позволяет себе жить», — это существо, отказывающееся от жизни, т. е. умирающее? Ибо, по сравнению с другими существами, умирающий есть тот, кто наилучшим образом может чувствовать, как его состояния сознания сливаются, проникают друг друга, становятся похожими на внутреннее непрерывное развитие мелодии. Когда умирающий, говорит Бергсон, видит, как «за короткое время перед ним прошли все забытые события его истории <...> в том порядке, в котором они совершались», надо ли под этим понимать, что последовательный порядок представлен здесь по аналогии с нотами мелодии, т. е. что события взаимопроникают и сливаются, следуя друг за другом? Существо, которое мечтает, а тем более умирающий, предающийся созерцанию (*visionnaire mourant*), удерживает «перед глазами, — утверждает Бергсон, — бесконечное множество деталей своей прошлой истории». Но разве это множество, говоря словами Бергсона, является количественным, т. е. составленным из элементов, просто сосуществующих и проецируемых в нечто вроде ментального пространства? Или же речь идет скорее о том, что Бергсон, начиная с «Опыта»³⁴ и его рецензии на книгу Гуйо³⁵, называл «множественностью взаимопроникновения»?

Вот, таким образом, вопрос, который встает перед нами во всей его полноте: является ли видение умирающих неделимым слиянием или же множественностью рядоположенных деталей? Если мы вернемся к тем добергсоновским текстам, которые мы разбирали, то найдем в них едиனுдушный ответ. Как по мнению психологов, так и по мнению поэтов, согласно ассоциационистам и идеалистам-романтикам, при гипермнезии речь идет именно о числовом множестве. Видение умирающих описывается либо как исчисление ярких образов, следующих друг за другом (согласно интерпретации Уинслоу, Мори и Рибо), либо как панорама, множество рассеянных деталей, располагающихся друг подле друга (такова интерпретация де Квинси, Бофора, Шуберта, Дерепы и некоторых других). Но и в одном, и в другом случае речь идет о раздельной количественной множественности, отличной от той качественной множественности, в которой состояния сознания взаимопроникают и которая вдоль и поперек пронизывает непрерывный поток нашей внутренней жизни.

Надо ли поэтому говорить, что для Бергсона панорамное видение умирающих является в некотором роде особым случаем, происходящим с теми, кто, наблюдая, как в их сознании начинают фонтанировать воспоминания обо всех событиях и чувствах, составляющих их жизнь,

³⁴ Там же. См.: С. 93, 96, 107–108, 109.

³⁵ *Bergson A. Compte rendu de «La genèse de l'idée de temps» de G. Guyau // Mélanges, Paris: PUF, 1972. P. 356.*

спонтанно воспринимают их в форме «множественности слияния и взаимного проникновения»³⁶, синонима чистой длительности?

Если обратиться теперь к поздним текстам Бергсона, посвященным панорамному видению, и в особенности к тексту 1911 г. «Восприятие изменчивости», то, без сомнения, надо будет дать на наш вопрос абсолютно утвердительный ответ. Но пока мы до этого еще не дошли. Пока мы говорим о Бергсоне 1896 года, Бергсоне периода «Материи и памяти». Похоже, что ранний Бергсон, действительно, испытывал на этот счет гораздо больше сомнений, чем позднейший Бергсон, Бергсон 1911 года. Довольно неопределенно он говорит о «бесконечном множестве деталей», не уточняя, идет ли речь о множестве проникновения или множестве рядоположения. С другой стороны, в целой серии текстов, следующих за «Материей и памятью», но предшествующих «Восприятию изменчивости», Бергсон, кажется, дает понять, что вопреки тому, что он писал в «Опыте», незаинтересованность в действии ведет не к интуиции мелодической непрерывности, но, наоборот, к чувству рассеивания, распада на детали.

Тема рассеивания появляется уже в «Материи и памяти». Вспомним о фигуре перевернутого конуса, при помощи которой Бергсон представляет нашу сознательную жизнь. На острие или вершине сосредоточены наша сенсомоторная активность, связь с настоящим и направленность нашего внимания на будущее. В основании АВ, наоборот, размещается вся целостность нашего прошлого. Она и обнаруживает себя в видении умирающих. Однако, говорит Бергсон, «по мере того, как мы отдаляемся от нашего сенсомоторного наличного состояния, мы все более рассеиваемся в АВ, погружаясь в жизнь грезы»³⁷.

Всякое отделение от настоящего, всякое соскальзывание к грезе рискует привести к рассеиванию нашего духа. Подтверждение этому можно найти во фрагменте письма Уильяму Джеймсу от 25 марта 1903 года: «„Единство Я“, о котором говорят философы представляется мне как единство острия или вершины, по направлению к которому мое „я“ сужается... Чтобы перейти от этого острия или вершины сознания к основанию, т. е., к состоянию, в котором все наши воспоминания предстают раздельными и рассеянными, нужно, действительно, я полагаю, перейти от обычного состояния концентрации к состоянию рассеяния, как в некоторых грезах».

³⁶ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. С. 124. См. также Бергсон А. Длительность и одновременность. По поводу теории относительности Эйнштейна. М.: Добросвет, 2006. С. 42: «множественность без различности и последовательность без раздельности...».

³⁷ Бергсон А. Материя и память. С. 262. Позднее в «Двух источниках морали и религии» Бергсон напоминает, что он рассматривал ранее «возможность следовать точь-в-точь за последовательными расширениями памяти, с той точки, в которую она сжимается... вплоть до той точки, в которой она разворачивает полностью все нерушимое прошлое». И он добавляет: «Мы говорили, используя метафору, что идем от вершины к основанию конуса».

Греза, таким образом, не ведет нас более к интуиции непрерывности существования, но представляет существование как диссоциацию и рассеивание образующих его элементов. Так, например, как только мы перестаем внимательно слушать стихотворение, мы теряем возможность воспринимать его как неделимое целое: сначала отделяются строки, затем — слова, потом — слоги, каждый звук возвращается к своей индивидуальности³⁸.

Отдадимся теперь течению: вместо того, чтобы действовать, будем грезить. Тотчас же наше *я* рассеется; наше прошлое, до сих пор объединявшееся в неделимом импульсе, который оно нам сообщало, распадается на тысячи и тысячи воспоминаний, которые становятся внешними друг другу. По мере того, как они застывают, прекращается их взаимопроникновение. Так наша личность вновь нисходит в направлении пространства³⁹.

Это прошлое, «распадающееся на тысячи и тысячи воспоминаний», — не то ли прошлое, за разворачиванием которого внутри самого себя наблюдает умирающий? То, что Бергсон называет «бесконечным множеством деталей своей прошлой истории», является множественностью, каждый элемент которой, говорит он, предстает в своей особенности и индивидуальности. Иными словами, каждый из них показывает, «в чем... отличается от других, но не... в чем он с ними сходен»⁴⁰. Если это действительно так, видение умирающих является единством, элементы которого не могут сливаться друг с другом. Они могут поэтому проявляться только как отдельные, отличные, хотя и упорядоченные в пространстве, в котором они сосуществуют. Тем самым реализуются все свойства числовой множественности. Числовая множественность — сама противоположность неделимого порыва, элементы которого, слившиеся вместе, образуют реальную длительность и истинное прошлое. Так что грезящий или визионер, снова созерцающий свою жизнь, видит ее не такой, какой он ее проживал в первый раз, но в образе бесконечности распыленных в его поле зрения фрагментов.

Теперь понятно, почему все те, кто пережил опыт видения своего прежнего существования, описывают его не как длительность, но как панораму, как сопротязание (*coextension*), рядоположение элементов, т.е. как пространство. В действительности, перед ними представало время, обращенное в пространство.

Совсем не будучи, как они полагали, интуицией высшей и чуть ли не божественной длительности, панорамное видение умирающих — всего лишь самая низкая из существующих форм времени. Ибо речь идет о времени опространствленном, застывшем, о времени почти что мате-

³⁸ См. Бергсон А. Творческая эволюция. С. 213.

³⁹ Там же. С. 207.

⁴⁰ Бергсон А. Материя и память. С. 258.

риализованном: «Интуиция нашей длительности вводит нас в соприкосновение с целой непрерывностью длительностей, за которой мы должны пытаться следовать или вниз или вверх... В первом случае [который является случаем наименее чистой длительности], мы следуем за длительностью, все больше и больше рассеивающейся... В пределе будет чистая однородность, чистое *повторение*, именно так мы определяем материальность»⁴¹.

Вместо того, чтобы вести нас к интуиции чистой длительности или к схватыванию непрерывности нашего существования, память грезящего или умирающего приводит к рассеиванию того, что она возрождает. Она возвращает нам наше прошлое; но возвращает его в виде тысячи кусочков: словно жемчужное ожерелье, у которого дарящий в самый момент дарения разорвал бы нить.

III

Большая часть приведенных нами текстов относится к 1889–1907 годам, т. е. периоду между публикацией «Опыта» и выходом в свет «Творческой эволюции». Однако, если мы правильно поняли эти тексты, они как бы сами собой распадаются на две противоположные группы. В текстах первой группы отказ от действия приводит к сознанию мелодической непрерывности существования, в текстах второй – тот же самый отказ ведет, напротив, к рядоположению прерывных элементов на фоне однородного пространства.

Как объяснить это противоречие? Невозможно предположить, что оно ускользнуло от внимания Бергсона, ведь именно он впервые провел различие между непрерывностью истинной длительности и рядоположением состояний сознания в ложной длительности, т. е. в пространстве.

Можно заключить, что речь идет о трудности, лежащей в самом основании бергсоновского учения. Ибо, с одной стороны, согласно этому учению, чтобы достичь глубокого познания своей психической жизни, дух должен ослабить напряжение, запирающее его, как правило, в тесном кругу действия. И другого пути, чтобы прийти к познанию себя, нет. Но, с другой стороны, это ослабление, определяющий фактор познания, – есть также разрушитель познания, поскольку всякая расслабленная мысль превращается тут же в мысль рассеянную. Дух, лишенный напряжения, беспомощный, неспособный охватить собой все то, что он обнаруживает, упускает, в первую очередь, то, что имеет ценность лишь тогда, когда схватывается как живое единство.

Таким образом, панорамное видение умирающих следует толковать согласно одному из двух противоположных способов. Либо тотальное

⁴¹ Ср.: Бергсон А. Введение в метафизику // Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. С. 1206.

воспоминание, которое наполняет это видение, интуитивно схватывается как эхо, верно отражающее мелодию существования, «единая фраза... отмеченная запятыми, но нигде не прерванная точками»⁴²; либо же оно предстает — в результате рассеивания внимания и спада работы духа — как «масса деталей»⁴³, расположенных друг подле друга и образующих тем самым пространственный эквивалент текучей целостности существования. Это видение является то подвижной панорамой, то застывшей длительностью; в первом случае оно говорит о победе духа, об интуитивном схватывании духом самого себя, во втором оно есть свидетельство неудачи и искажение реальности.

По-видимому, Бергсон колебался между этими двумя интерпретациями, склоняясь то к одной, то к другой. Текст «Материи и памяти» остается двусмысленным, на удивление неопределенным, словно Бергсон никак не мог решиться сделать выбор между двумя возможными решениями. Если проследить в хронологическом порядке развитие темы потери интереса (*désintéressement*) в его текстах, можно заметить осторожность, сдержанность и как бы колебания мысли.

Эти колебания то ведут мысль в направлении успеха, то — в направлении неудачи. В мире Бергсона есть удачные грезы и несостоявшиеся видения; есть воспоминания, чье внезапное появление обретает ритм и силу прошлых восприятий; но есть и такие, что, появившись, делятся, распределяются по поверхности и застывают. Но, по мере того, как мысль Бергсона становится более зрелой, он, как кажется, начинает яснее понимать, с какими существенными потерями сопряжена легковесная жизнь грезы. По мере того, как его мысль уточняется, приобретает устойчивость и начинает осознавать все свои конечные следствия, она все больше утверждается как доктрина действия, открыто отвергая всякий намек на праздность или душевную поверхностность (*facilité*). «Поскольку мы привлекли внимание к подвижности, находящейся в глубине вещей, делался вывод, что мы поощряем какую-то расслабленность духа»⁴⁴. Марсель Реймон, цитирующий этот фрагмент, совершенно справедливо обращает внимание на некоторое недовольство в тоне философа⁴⁵. С годами Бергсон становится все меньше и меньше склонен поступаться теми аспектами мысли, которые касаются внимания и воли. И все же было бы несправедливым, с его стороны, отрицать другой ее аспект, а именно некоторое ослабление духа.

В конце концов, разве между этими двумя сторонами никакое примирение невозможно? Если, с одной стороны, чтобы избежать угрожающего ей рассеивания, всякая мысль должна обязательно оста-

⁴² Bergson H. *L'âme et le corps // L'Énergie Spirituelle*. Paris: PUF, 1967. С. 57.

⁴³ См.: *Harpe J. de la. Souvenirs personnels d'un entretien avec Bergson. Op. cit.*

⁴⁴ Bergson H. *La Pensée et le Mouvant*. Paris: PUF, 1960. P. 96. (Пер. И. Блауберг, готовящийся к изданию).

⁴⁵ Raymond M. *Génies de France*. Neuchâtel: La Baconnière. 1942. P. 225.

ваться напряженной, и если, с другой стороны, чтобы избежать жесткости и узости, она должна в то же время обязательно расслабляться, не можем ли мы представить себе мысль, которая была бы одновременно напряженной и расслабленной; напряженной, поскольку стремящейся охватить одним взглядом, удержать, не дрогнув, всю совокупность мыслимого, и расслабленной по отношению к привычному объекту этой мысли, т. е. к актуальному действию? Мысль, которая ослабляет свои связи с настоящим, не ослабляя при этом силу внимания, позволяющую ей мыслить то, что она мыслит, мысль, которая, словно греза, отворачивается от актуальной жизни, но, в отличие от грезы, упорствует в своей роли внимательной мысли: вот возможное решение проблемы. Такая мысль, расслабляясь, но не рассеиваясь, получает доступ к чувству непрерывности внутренней жизни, избегая при этом излишней расслабленности духа, рискующей превратить непрерывность в ее противоположность — рядоположение деталей.

Именно на подобного рода решении Бергсон в конце концов и остановился. Уже в 1903 г. во «Введении в метафизику» он сформулировал в общих чертах свой вывод. Философ, согласно Бергсону, — это не тот, кто позволяет своей мысли расслабиться; его задача такова: отвлекая мысль от любых практических целей, приостановить ее обычный ход — но не для того, чтобы принести ее в жертву мечтаниям и грезе, а чтобы «изменить (*renverser*) смысл той операции, при помощи которой мы обычно мыслим»⁴⁶.

Но только гораздо позже, в 1911 году, в Оксфордской лекции «Восприятие изменчивости», Бергсон попытался последовательно применить теорию «обращения внимания» к теме панорамного видения умирающих. Здесь стоит полностью процитировать соответствующий фрагмент текста. Вывод Бергсона представляется окончательным и на этот раз не содержит ни малейшей двусмысленности:

Внимание к жизни, достаточно сильное и достаточно свободное от всякого практического интереса, охватило бы... в неделимом настоящем всю прошлую историю сознательной личности, — без сомнения, не как одновременность, но как нечто такое, что есть разом и непрерывно настоящее и непрерывно движущееся: такова, я повторяю, мелодия, воспринимаемая как неделимое и составляющая с одного конца до другого непрекращающееся настоящее, хотя это постоянство не имеет ничего общего с неизменностью, как и эта неделимость с мгновенностью. Это будет длящееся настоящее.

И это не гипотеза. Случается, в виде исключения, что внимание сразу отрывается от своего интереса к жизни: тотчас же, как по волшебству, прошлое становится вновь настоящим. У лиц, перед которыми встает

⁴⁶ *Bergson H. L'introduction à la métaphysique // La Pensée et le Mouvant. Op. cit. Ср.: Бергсон А. Введение в метафизику // Цит. соч.*

угроза внезапной смерти, у альпиниста, низвергающегося в глубину пропасти, у утопающих, у повешенных, может произойти резкий поворот во внимании, как бы изменение в направлении сознания...⁴⁷.

Здесь нет ни соскальзывания в грёзу, ни колеблющегося внимания. Внимание, смещенное, обращенное вспять, овладевает душевным миром, который больше не расплывается. Насыщенное, живое, подвижное, содержащее множество разнородных и взаимопроникающих моментов существование раскрывает себя в одном неделимом порыве. И бергсоновский визионер, созерцающий это существование, в отличие от мыслителя прерывности, каким является Пруст, созерцает совсем не рядоположенные элементы. Не достигая вечности, но и не впадая в количественную множественность, он невыразимым образом схватывает интуицию движения, которая составляет его внутреннюю жизнь.

Перевод Ю. Подороги

⁴⁷ Бергсон А. Восприятие изменчивости. С. 953.